

МНЕ БЫ ПОШЛИ ДВЕ КОСИЧКИ?

Наташе и Руслану

Уже не держат пальцы спички —
ту уронил, ту поломал.
Хотел бы я носить косички,
усы и тесный доломан.

Хотел бы ранним утром дымным,
когда туман, как молоко,
когда кричит петух призывно,
сойтись небрежно и легко

в дуэли с лейтенантом юным,
с невинным, в общем, молодцом,
чтобы упал потом он в дюны
задорным розовым лицом,

и секунданта — аптекаря местного,
весь трепыхаясь, чуть дыша,
повез бы юношу к невесте,
пока жива его душа.

А я в кабаке зашел бы. Кружку
дерябнул прусского пивка,
щипал бы толстую подружку
за полотняные бока.

И по карнизу шли бы гули,
воркуя, клювами стуча,
пока по мне штампуют пули
и отливается свеча.

ВУАЛИ

Алене Д-рт

В бреду идут, шатаясь, старики.
И говорит британец побледневший,
четвертый день не пивший и не евший —
они тела хоронят у реки.

Владислав Александрович Пеньков — автор трех стихотворных сборников и ряда публикаций в отечественной и заграничной периодике («Нева», «День и ночь», «Знамя», «Эмигрантская лира», «Студия», «45 параллель», «Парус», «Русская жизнь», «Слово», «Плавучий мост», «7 искусств», «Сетевая словесность», «Белый ворон», «Иные берега», «Топос», «Вышгород» и другие). Был членом Союза российских писателей. Проживал в Таллине.

Пускай прибедет воинов отряд.
Без них, одни, мы справимся едва ли.
И в воздухе сгустившемся горят
расписанные красками вуали.

А бледнолицый брат, издавший крик,
сползает по стене, течет поносом,
и странно улыбается старик
с глазами в желчи и с гниющим носом.

В АСФАЛЬТЕ

Лето пчелиных жалоб.
Платиновых блондинок,
с кем персонажи джалло
выйдут на поединок.

Лето моих ошибок.
Та или эта тропка?
Раз! И мне сердце ушибла
круглая девичья попка.

Тает асфальт. В асфальте
пробки, горячие фанты.
Девочки, зубы оскальте.
Будут вам музыканты.

Будут играть вам ВИА.
Будут любить, играя.
Будут из Тель-Авива
Розы писать и Раи.

Вместе учились в школе.
Вместе гуляли в слякоть.
Таяли льдинки в коле.
Вместе учились плакать.

И умирали от стресса
и от родной метели,
видя на Вэхаэсах
платья Эмманюэли.

Девочки на тусовке
не замечали уroda.
.....

Мама нашла кроссовки
восьмидесятого года.

НЕБО ГАЛЛЫ

Что тебя так сильно напугало?
Отчего бывалого спасать?
В маленьком домишке спящей Галлы,
падая, взлетают небеса.

Эта синева и девство сини,
что они напомнили тебе?
Музыку вертлявого Россини,
две-три ноты, спетых на трубе.

Две-три ноты искренней печали,
и внезапно понял — я живой.
В небо поднимаюсь, как в начале —
детскою наивной синевой.

Там орел и ангел, там крылатый
лев, а с ним крылатый белый бык.
Небосвод, звездами конопатый, —
это лексикон их и язык.

Я на нем гулил, суча ногами,
и, теперь впадая в тот же бред,
далеко не в самом пышном храме
вижу на снегу глубокий след,

вижу, как уходит он глубоко,
вижу, что синееет снег, как ввысь
в небо Галлы алконосты Блока,
со снегу сорвавшись, понеслись.

РОМАН

Отцу

Что у Диккенса главное — шорох,
задыхание, шепот банкнот,
отмеряющий горкою порох,
незадачливый дядя-банкрот?

Или дюны? Песчаные дюны
и щенок, что заходится там.
И дыханье отпущено юным,
опушенным нетронутым ртам,

чтобы рты, задыхаясь и плача
от старушьею своей пустоты,
повторяли: могло быть иначе,
если б нас, если б я, если б ты.

ЗУРНА

Все, закончились все тары-бары.
Было спето уже до хрена.
Пусть кому-то все время — гитара,
для кого-то сегодня — зурна.

Побелела от лунного блеска
черепица балтийская крыш.
Все готово — рубаха, черкеска,
пистолеты. Немного поспишь?

Или будешь глазами поэта,
парой красных — крысиных, считай,
проводить уходящее лето
и прощальные выкрики стай.

Вот стемнеет совсем, и они же
облюбуют пруды под ночлег.
Срок пройдет, папироску облизнет
первый за год танцующий снег.

Он дервиш. Он пролазит сквозь щели
и танцует. И что там ни будь -
он опять — и разыщет в ущелье,
и вернет задыхание в грудь.

Будет петь и кружиться, как черти,
в бесноватых ужимках. Потом
он сыграет с зурною о смерти,
улыбаясь проваленным ртом.

ВАЛЛИЙСКОЕ

Наташе

На звездные участки свет разбит,
как будто колба жуткая разбита.
Девчонки с волосами Афродит
гоняют громко грохотную битву.

И звезды проступают в небесах,
и пыль планет летит и оседает
у девочки в курчавых волосах,
а девочка смеется и играет,

покуда прахи сгинувших миров
блестят, как бриллиантовая крошка,
и больно на последний из дворов
смотреть мне в приоткрытое окошко.

И песню складывать. Ее валлийский бард
сложил давно. Она мне снится, детка,
пока горит среди омег-кокард
кометы угловатая креветка.